ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2012
XXI

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

797

EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Том XXI

Экспресс-выпуск • Express-issue

2012 № 797

СОДЕРЖАНИЕ

2301-2320 Равнинность Западной Сибири и связанные с ней особенности животного мира. А.Н.ФОРМОЗОВ

2320-2321 Встреча белых гусей *Anser caerulescens* в Литве. Р.Р.БУДРИС, А.БУЯУСКАС, С.СИНКЯВИЧЮС

2321 Нахождение бурого голубя *Columba eversmanni* в Тарбагатае. Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ, А.С.ЛЕВИН

2322-2323 Пёстрый улит *Tringa melanoleuca* – новый вид авифауны СССР. Ю.Н.ГЛУЩЕНКО, И.В.ДОРОГОЙ

2323-2324 Залёт касатки *Anas falcata* в Юго-Восточный Казахстан. В.А.ЖИРЯКОВ

2324-2325 Гнездование трещотки *Phylloscopus sibilatrix* на северо-западном Кавказе. И.М.МАРОВА

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2012
Дата опубликования: 30 сентября 2012

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXI
Express-issue

2012 № 797

CONTENTS

2301-2320 Lowland landscape of Western Siberia and the consequent features of wildlife. A.N.FORMOSOV

2320-2321 The record of the snow goose *Anser caerulescens* in Lithuania. R.R.BUDRIS, A.BUYAUSCAS, S.SINKYAVICHUS

2321 The eastern stock dove *Columba eversmanni* in Tarbagatai. N.N.BEREZOVIKOV, A.S.LEVIN

2322-2323 The greater yellowlegs *Tringa melanoleuca* – a new species in avifauna of USSR. Yu.N.GLUSCHENKO, I.V.DOROGOY

2323-2324 Vagrant falcated teal *Anas falcata* in South-Eastern Kazakhstan. V.A.ZHIRYAKOV

2324-2325 Breeding of the wood warbler *Phylloscopus sibilatrix* in the north-western Caucasus. I.M.MAROVA

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2012

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **797**: 2301-2320*

Равнинность Западной Сибири и связанные с ней особенности животного мира

А.Н.Формозов

*Третье издание. Первая публикация в 1964**

Западно-Сибирская низменность – одна из величайших равнин земного шара. Благодаря её обширности и почти идеальной равнинности многие природные закономерности проявляются здесь особенно ярко и чётко. Общеизвестно, например, с какой правильностью сменяются на этой низменности природно-географические зоны и подзоны, начиная с арктической тундры и кончая ковыльно-типчаковыми степями, которые далее смыкаются с полупустынями Казахстана, в свою очередь вскоре сливающимися с широкой полосой пустынь. Но в связи с равнинностью территории между смежными ботанико-географическими областями и участками Западной Сибири нет и не может быть резких границ; смены условий существования происходят здесь очень постепенно на достаточно широких лентах с растительностью переходного типа. Эта же постепенность характерна и для смен одной фауны другой и как при движении из зоны в зону, т.е. по меридиану, так и в особенности при движении по параллелям.

А.А.Григорьев (1942, 1944, 1946) показал значение исследования интенсивности солнечной радиации для понимания особенностей природы и распределения ландшафтно-географических зон и подзон. Каждую зону он характеризует сменой в течение летних месяцев ряда определённых типов солнечной радиации. А.А.Григорьев выделил 8 таких типов: средний летне-арктический, июньский летне-арктический, переходный от летне-арктического к зимне-тропическому, зимне-тропический, переходный от зимне-тропического к летне-тропическому, летне-тропический, переходный от летне-тропического к весенне-тропическому и весенне-тропический. Отличия между ними хорошо выражены в количестве эффективной приходящей радиации и в радиационных балансах.

Зональность распределения растительного покрова в очень большой мере обусловлена зональностью радиационных условий (Григорьев 1944), что особенно убедительно выявляется, в частности, на Западно-Сибирской низменности.

---

* Формозов А.Н. 1964. Равнинность Западной Сибири и связанные с ней особенности животного мира // *Развитие и преобразование географической среды*. М.: 201-221.

Л.Г.Динесман (1949), используя указанные положения А.А.Григорьева, сделал интересную попытку выяснить, в какой мере зональные изменения летних радиационных условий влияют на распространение животных. Для этой цели он проанализировал видовое обилие и распределение рептилий в разных зонах на равнинах восточной части европейской территории СССР, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Рептилии особенно удобны для подобного исследования, так как температура их тела может значительно колебаться, но в период активности, занимающей часть суточного цикла, она довольно постоянна и у дневных видов превышает 30°С (Сергеев 1939). Вместе с тем температура тела рептилий находится в большой зависимости от солнечной радиации. Поэтому последняя играет в их жизни бóльшую роль, чем у какой-либо другой группы позвоночных.

Исследование Динесмана показало, что подавляющее большинство видов наших рептилий (и, добавим от себя, основная масса особей) распространено лишь в зонах, характеризующихся летне-тропическим, переходным от летне-тропического к весенне-тропическому типам радиации.

Интересно установленное Динесманом совпадение появления в фауне новых родов рептилий с изменением числа месяцев с летне- или весенне-тропическими типами радиации. Так, при движении с севера на юг в зонах с одним месяцем летне-тропической радиации появляются ящурки рода *Eremias* и ужи *Natrix*, в зонах с двумя месяцами – представители змей родов *Elaphe* и *Ancistrodon* (щитомордник), в северной подзоне пустынно-степной зоны Казахстана (с тремя месяцами летне-тропической радиации) – ящерицы-круглоголовки *Phrynocephalus*. Своеобразное исключение представляют обыкновенная гадюка *Vipera berus* и живородящая ящерица *Lacerta vivipara*, которые в Западной Сибири проникают далеко на север – в редкостойные лиственничные леса северной тайги и даже в лесотундру, т.е. в подзоны, где летне-тропические, весенне-тропические и переходные между ними типы радиаций полностью отсутствуют. А.М.Сергеев (1939) установил, что эти виды могут существовать так далеко на севере благодаря способности приносить живых детёнышей. Кроме того, живородящая ящерица обладает способностью использовать длинноволновые излучения почвы (Krüger 1929 – цит. по: Динесман 1949), которой, возможно, не лишена и гадюка.

Экологический анализ видового состава фауны по зонам Западной Сибири, соотношения численности особей в популяциях разных видов, их ценотических связей, сезонных особенностей жизни в связи с условиями географической среды может привести ко многим интересным обобщениям. Прекрасным образцом такого рода эколого-географического исследования является описание животного мира, выполненное

А.А.Григорьевым в его монографии «Субарктика» (1956), которое уже служит зоологам Урала и Сибири стимулом для осуществления аналогичных работ в других зонах и районах.

Однако здесь мы хотим остановиться не на зональных, а на других, на наш взгляд, очень интересных особенностях животного мира Западно-Сибирской низменности, обусловленных как геологической молодостью этой равнины, так и сравнительной молодостью её фауны.

Многочисленные зоо- и фитогеографические исследования, а также некоторые работы палеонтологов, выполненные в последние десятилетия, дали новые доказательства существования в неогене по сути дела единой флоры и фауны, распространённых циркумбореально по умеренной зоне всего Северного полушария. Глубокие изменения в распространении этой фауны произошли в конце плиоцена – начале миоцена под влиянием существенных изменений климата и отчасти, видимо, под воздействием орогенеза. Остановимся на выводах одного из новейших исследований, выполненных на территории Западной Сибири и в ближайшем соседстве с ней.

Ихтиолог В.Д.Лебедев (1959) в течение 1954-1955 годов осуществил палеонтологическое обследование третичных отложений побережий озера Зайсан и реки Иртыш (от истоков до села Тевриз, на протяжении приблизительно 3.5 тыс. км), а также его притоков между Омском и Тарой. Ему удалось собрать богатый материал по истории фауны рыб. При обработке материала Лебедев использовал также некоторые коллекции ископаемых рыб, поступившие из Западносибирской низменности в ПИН АН СССР, ВНИГРИ и другие учреждения. В работе Лебедева приводятся убедительные палеонтологические свидетельства того, как образовался европейско-дальневосточный разрыв ареалов многих животных Евразии, ныне занимающий значительную часть Западной Сибири. Геологический возраст изученной им ископаемой фауны рыб Западно-Сибирской низменности устанавливается как среднемиоценовый.

Эта фауна была несомненно более теплолюбива, чем современные и, видимо, населяла озёра или большую реку с медленным течением и, возможно, с периодическими заморами. Список установленных для неё родов и видов рыб, по Лебедеву, распадается на две группы. Первая – это виды и роды, и ныне обитающие в водоёмах Западной Сибири, вторая – виды и роды, вымершие вообще или отсутствующие в данном районе, но встречающиеся в других местах земного шара. Сохранились только рыбы относительно эвритермные, которые и сейчас далеко проникают на север, например такие, как плотва, окунь, щука. Вымерли формы стенотермные и относительно теплолюбивые: краснопёрка, уклейка, лещ, сом, судак. Они и ныне не идут далеко на север, но сохранились и обычны в бассейнах южных морей – Аральского, Каспийского,

Азовского. Интересно, что в водоёмах Зайсанской впадины и Западно-Сибирской низменности ильные рыбы (не менее трёх видов рода *Amia*, семейства Amidae, отряда Amiiformes – из костных ганоидов) существовали вместе с плотвой, ельцом, щукой, окунем и щиповкой и, видимо, дожили до конца третичного периода. Современная ильная рыба *Amia calva* – теплолюбивая форма, обитатель заросших озёр и рек с тихим течением, живёт в Северной Америке.

Экологический анализ списка сохранившихся в Западной Сибири и вымерших видов приводит к выводу, что причиной гибели теплолюбивой части фауны было похолодание климата. Это вымирание, по мнению Лебедева, произошло, видимо, в конце плиоцена – начале плейстоцена. При позднейшем потеплении климата ряд видов, несмотря на улучшение условий, уже не мог заселить водоёмы, где они когда-то водились, так как речные бассейны обособились от смежных. Ныне искусственное заселение успешно исправляет эту «ошибку природы». Так, в озеро Зайсан в наше время акклиматизированы лещ и сазан, причём последний уже стал важным промысловым объектом. Несомненно, что в это озеро можно вселить ещё ряд относительно теплолюбивых ценных рыб, ныне в Зайсане отсутствующих.

Новые интродуцированные виды рыб есть также в озёрах Барабы и в крупных реках Западной Сибири. Сходные примеры можно привести также из ботанической географии. Обыкновенный ландыш *Convallaria majalis* имеет ареал с обширным разрывом в Западной и Средней Сибири, но под Красноярском, в условиях современного климата, разведение его в открытом грунте идёт вполне успешно. Здесь же сохранились небольшие реликтовые участки с насаждениями липы* (Буторина, Нащокин 1958).

Между Омском и Карагандой, в области Павлодарского Прииртышья М.Е.Городецкой (1958, 1961) недавно в целом ряде точек найдены несомненные следы вечной мерзлоты в виде реликтовых морозобойных трещин. Образование их Городецкая относит к среднечетвертичному и началу верхнечетвертичного времени. Как известно, в современных условиях, несмотря на низкие температуры зимы, южная граница мерзлоты в Западной Сибири и особенно в Зауралье резко отодвинулась к северу – факт, важность которого отмечал ещё А.И.Воейков.

За Енисеем область вечной мерзлоты спускается особенно далеко на юг. Наличие её следов в Павлодарском Прииртышье и довольно крупных островков современной мерзлоты к северу и юго-востоку от Новосибирска говорит о недавнем существовании в этой части Сибири периода с морозными и, видимо, очень малоснежными зимами. Такие

* Ранее относимая к сибирской *Tilia sibirica*, липа из Красноярского края выделена в отдельный вид – липа Нащокина *Tilia nasczokinii* Stepanov 1993 – прим. ред.

условия неблагоприятны для жизни многих организмов, в том числе и для ряда рыб. Интересно, что П.П.Сушкин (1938), сопоставив при зоогеографических построениях разнородные факты, пришёл к сходному выводу, говоря: «Поворотный пункт в смене влажного и более мягкого климата Сибири на более сухой и резкий приходится на конец ледникового периода» (т. 2, с. 392).

При исключительной равнинности Западной Сибири эти суровые условия неизбежно должны были сказываться на обширном пространстве, и, таким образом, крайняя континентальность климата в период широкого распространения вечной мерзлоты вызвала вымирание и вытеснение многих теплолюбивых мезо- и гигрофильных организмов.

Принимая это положение, следует ещё ответить на вопрос, почему же в Восточную Сибирь с ее крайне суровыми зимами и современным широким распространением вечной мерзлоты уже успели проникнуть отсутствующие в Западной Сибири виды птиц и насекомых, расселявшихся из Приамурья и Приморья, столь богатых третичными реликтами?

Известно, что важнейшие убежища (рефугиумы) теплолюбивых ценозов и отдельных видов лесной фауны и флоры, пережившие период похолодания ледникового времени, находятся на западе и востоке евразийского материка, там, где близость океанов оказывала смягчающее влияние на климат, а также под защитой мощных горных хребтов. В СССР установлены как наиболее богатые третичными формами центры маньчжурский, колхидский, гирканский, так и центры с обеднённой третичной лесной флорой – крымский, новороссийский, кубанский, терский, дагестано-кубанский и другие на Кавказе, копетдагский, таджикский, западноказахстанский, восточнотяньшанский и джунгарский в Средней Азии и на юге Казахстана, Сахалинский на Дальнем Востоке (Лавренко 1938). Алтайский центр Е.М.Лавренко относит в группу наиболее обеднённых (в которую входит и южноуральский). Он расположен в северных предгорьях Алтая (в Кузнецком Алатау, на Салаирском кряже и других горных системах). По-видимому, Алтайско-Саянская горная страна не могла обеспечить достаточно обширных убежищ для теплолюбивых и влаголюбивых форм, так как северные склоны больших хребтов были заняты обширными ледниками, а южные подвергались интенсивному иссушающему влиянию пустынь Центральной Азии. Западно-Сибирская низменность оказалась слишком далеко от всех наиболее важных рефугиумов, лучше сохранивших элементы растительности и животного мира третичного времени. В небольших убежищах Алтая уцелели только немногие «осколки» вытесненной древней фауны, главным образом из числа мелких животных (насекомые, немногие мелкие грызуны, мелкие птицы). Некоторые из них позднее стали расселяться к северу в равнинную часть За-

падной Сибири (например, ручейники). Следовательно, при своей исключительной равнинности Западная Сибирь подверглась особенно сильному и широкому опустошающему воздействию периода похолодания, а отдалённость важнейших рефугиумов всё ещё сильно затрудняет обратное вселение видов, ранее вытесненных с этой территории. Одни из них, например рыбы и моллюски, не могут сюда проникнуть, так как оборвались существовавшие прежде связи между речными бассейнами (например, между притоками Оби и бассейном Аральского моря), другие продвигаются слишком медленно.

Но в настоящее время, когда в молодой фауне северной Евразии происходят процессы перестройки, отмеченные многими зоогеографами, они, по-видимому, особенно интенсивны в Восточной Европе и Западной Сибири.

Из современных условий важную роль в расселении и существовании животных в Западной Сибири играют продолжительные морозные зимы, жаркое и засушливое лето, характерное для её южной полосы, нередкие возвраты холодов весной и в начале лета, губительно влияющие на многие виды теплолюбивых мелких животных. Через открытые с севера равнины в Западную Сибирь глубоко вторгаются массы холодного континентального и морского арктического воздуха. Соседство Карского моря и моря Лаптевых, загромождённых льдами в самые тёплые месяцы года, особенно чувствуется в западносибирской тундре и северной тайге. Само Карское море, почти полностью огражденное цепью островов, препятствующих проникновению тёплых вод Баренцева моря, и расположенное слишком далеко от Берингова моря, имеет пелагическую и донную жизнь в несколько раз более бедную, чем в этих морях и даже в более близких морях северо-востока Сибири. Поэтому у берегов Западной Сибири нет (и не было в историческом прошлом) больших птичьих базаров, огромных скоплений тюленей и моржей, а также летних «пастбищ» крупных китов, питающихся планктоном. (Такие места летнего нагула китов занимали обширные участки Баренцева и Берингова морей).

Для крупных китов, изредка проникающих в Карское море с запада, оно служит даже своего рода ледяной ловушкой, выйти из которой удается немногим.

Наземная фауна Западно-Сибирской низменности имеет черты, связывающие её с европейской, казахстанской и восточносибирской фаунами, придавая ей переходный характер. Благодаря отсутствию серьёзных преград, которые могли бы остановить продвижение расселяющихся животных, Западно-Сибирская низменность стала ареной, на которой встретились и смешались потоки видов, продвигавшихся в других направлениях, в частности, из Европы в Сибирь и из Восточной Азии на запад. Отметим, что ареалы многих восточносибирских и вос-

точноазиатских видов, достигнув Западной Сибири, сильно сужаются и по форме напоминают вписанные один в другой треугольники, направленные вершиной в сторону Урала. Лесной дупель *Gallinago megala*, обитатель южной тайги Восточной Сибири, широко распространён в приенисейской тайге, но недалеко заходит в леса бассейна Оби (зимовки этого вида расположены от юго-востока Азии до севера Австралии). Азиатский бекас *Gallinago stenura* встречается летом в северной части Восточной и Средней Сибири, гнездится в южных кустарниковых тундрах и тайге, а на юг доходит до Томска и даже, может быть, до Канска. Этот вид уже перешел на запад за Полярный Урал (найден в 1960 году О.Н.Шубниковой на северо-востоке Коми АССР), но улетает на зимовку в Индонезию, Бирму, Индию и на остров Шри Ланка. Сибирский дрозд *Turdus sibiricus* гнездится в Западной Сибири только местами, перейдя с востока нижнее и среднее течение Енисея, тогда как дрозд Науманна *Turdus naumanni* проникает на описываемую территорию через нижнее течение Енисея. Для оливкового дрозда *Turdus pallidus*, также восточносибирского вида, гнездовыми местами в Западной Сибири служат крайние восточные её окраины. Зимовки всех этих дроздов располагаются на крайнем юго-востоке Азии. Пёстрый земляной дрозд *Zoothera dauma*, вид с обширной восточноазиатской гнездовой областью, уже заселил тайгу Западной Сибири и даже перешёл через Урал в верховья Печоры и на территорию Пермской области, а зимовать улетает, как и перечисленные выше виды, на юго-восток Азии. Орнитологи считают, что направление весеннего пролёта часто совершенно точно повторяет направление, в котором шло расселение вида.

Приведённые здесь примеры могут показаться неубедительными, но ряд собранных за последние десятилетия фактов подтвердил, что многие виды сибирских птиц исторически недавно проникли в Европу и продолжают расселяться на запад. Так, синехвостка *Tarsiger cyanurus*, широко распространённая в Сибири, в том числе и в Западной, в небольшом числе гнездится на северо-востоке Европы, а недавно (с 1949 года) появилась в Финляндии и быстро здесь расселяется, прилетая в большом числе в годы с особенно тёплым маем. Пролётный путь на зимовки у западной популяции синехвосток крайне длинен и идёт на восток через всю Сибирь и южный Китай. Пеночка-таловка *Phylloscopus borealis*, населяющая тайгу и кустарниковую тундру всей Сибири и востока Европы (проникла также на Аляску), зимует в Индокитае, на острове Тайвань и островах Малайского архипелага. Осенью из западных частей ареала она летит на восток и только в Восточной Сибири поворачивает на юго-восток и юг. В Финляндии этот вид был впервые отмечен в 1909 году, а теперь стал обычным и оттуда проник в Швецию. Многочисленность залётов этой пеночки на запад до Англии

включительно также доказывает тенденцию к расселению в указанном направлении. Зелёная пеночка *Phylloscopus trochiloides*, большая часть гнездового ареала которой приурочена к тайге Восточной Сибири, но обитающая также в горных лесах юга Азии, за последнее столетие сильно расселилась на запад, заняв северную часть Польши, северо-восток ГДР, юг Финляндии. Расселение её в Европе продолжается и в настоящее время. Зимует зелёная пеночка в Индии, Индокитае и на смежных островах.

К числу птиц, также относительно недавно расселившихся из Сибири и уже почти достигших на северо-западе Европы крайних пределов пригодных для них пространств, принадлежат овсянка-ремез *Emberiza rustica* и овсянка-крошка *Emberiza pusilla*. Гнездящиеся на Скандинавском полуострове и на севере европейской части СССР овсянки этих видов осенью также летят через весь Азиатский материк и зимуют на его юго-востоке. Чечевица *Carpodacus erythrinus* и овсянка дубровник *Emberiza aureola*, а из куликов – мородунка *Xenus cinereus* также принадлежат к числу сибирских птиц, всё ещё продолжающих расселяться на запад. Со своих далёких зимовок виды, недавно заселившие Западную Сибирь, прилетают довольно поздно, так как им приходится проделывать очень большой путь. Так, в район Тобольска чечевица прилетает в среднем 27 мая, дубровник 7 июня, а мухоловка-пеструшка *Ficedula hypoleuca*, возвращающаяся из Африки, 12 мая (Тарунин 1929). Интересно, что и колонок *Mustela sibiricus* был впервые обнаружен П.С.Палласом в конце XVIII века в Сибири – на Алтае. Через 100 лет колонок уже был обычен на Урале, а в 1920-е и 1930-е годы он проник в Куйбышевскую и Костромскую области и на юго-восток Коми АССР. Есть сведения, что в Вологодской области – на крайнем юго-западе своего ареала – продолжает расселяться к западу и такой типичный сибирский грызун, как бурундук *Eutamias sibiricus*.

С другой стороны, на восток быстро продвигаются некоторые европейские виды. Например, зяблик *Fringilla coelebs* за последние годы достиг Красноярска и лесов по среднему течению Енисея и становится там всё многочисленнее, тогда как раньше он встречался только в юго-западной части лесной зоны Западной Сибири. Расселяется за Уралом и такой типичный европейский вид, как мухоловка-пеструшка. Восточная часть ее ареала в виде клина, кончающегося у Томска, занимает южную половину лесной зоны Западной Сибири. Белошапочная овсянка *Emberiza leucocephala* – сибирский вид, расселявшийся к западу. Там, где её ареал сомкнулся с областью распространения близкой к ней европейской обыкновенной овсянки *Emberiza citrinella*, она образует с последней помеси. Наличие гибридов этих овсянок в относительно узкой полосе также говорит об исторически недавнем смыкании ареалов. В противном случае или образовалась бы большая популяция

гибридного происхождения, или один из видов при скрещивании был бы полностью поглощён другим. Происходящие на наших глазах процессы расселения многих видов и слабо выраженный эндемизм – убедительные доказательства молодости животного мира Западной Сибири.

С этим выводом интересно сопоставить и данные археологов. До настоящего времени на территории Западной Сибири не известно ни одной находки следов палеолита*. На основании имеющихся находок археологи говорят, что заселение центральной части Западной Сибири человеком произошло «не ранее конца неолита, а скорее всего уже в эпоху бронзы» (Чернецов 1947, с. 91). На западном склоне Уральского хребта многочисленные кремневые изделия человека палеолитической эпохи, а также остатки ископаемых зверей были недавно найдены в пещерах в верховьях Печоры и Уньи (за 62° с.ш.). Так далеко на севере следы существования людей древнекаменного века найдены впервые (Верещагин, Кузьмина 1962).

В связи с этим возникает вопрос, чем объясняется неизменность многих разрывов ареалов животных и существование в ареалах распространённых по всей Палеарктике видов глубоких прогибов и выемок, приуроченных именно к территории Западной Сибири?

Обширный разрыв ареала болотной гаички *Parus palustris* – характерного обитателя широколиственных лесов, очевидно, образовался одновременно с вымиранием последних, в частности в связи с вымиранием липы, реликтовые пятна которой сохранились в Зауралье, в предгорьях Алтая и Саян. В настоящее время болотная гаичка отсутствует в фауне востока европейской части СССР и равнинных частей Западной и Средней Сибири, тогда как на востоке Азии она занимает обширную область, протягивающуюся от северного и западного Китая до Японии, советского Приморья, Сахалина и Приамурья. Отсюда узкий язык ареала тянется на запад через Прибайкалье до Алтая включительно. На Алтае и Саянах эта гаичка встречается на сырых участках, у воды с зарослями черёмухи, берёзы, осокоря и высоко в горы не заходит. Видимо, она ещё только начинает приспосабливаться к жизни в мелколиственных лесах и, избегая хвойных лесов, не смогла заселить равнинную тайгу Сибири.

В то же время ареалы двух других гаичек (подрод *Poecile)* – пухляка *Parus montanus* и сибирской гаички *P. cinctus*, обитателей хвойных лесов, в послеледниковое время полностью восстановились, и эти си-

* Археологические исследования в Западной Сибири в 1970-х годах выявили ряд пунктов, указывающих на посещения этого района палеолитическим человеком (Волчья грива в Барабинской степи, Шикаевка II в Курганской области), но постоянных поселений эпохи палеолита с мощным культурным слоем, вроде Донских, Днестровских или Енисейских, пока не обнаружено – *прим. А.А.Формозова.*

ницы занимают в Сибири всю зону хвойных лесов, значительно более широкую, чем в Европе.

Летучие мыши, охотящиеся за насекомыми, летающими ночью, относительно часто встречаются только в лесостепной полосе Западной Сибири. Даже такой неприхотливый вид, как северный кожанок *Eptesicus nilssoni*, далеко не доходит до Полярного круга, тогда как на Кольском полуострове он встречается почти у границы тундры.

Другой представитель биологической группы воздухореев – обыкновенный козодой *Caprimulgus europaeus*, также охотящийся ночью, но за более крупными насекомыми, на Скандинавском полуострове гнездится под 64° с.ш., а в Западной Сибири заходит лишь немного севернее Тобольска и Томска. Но и здесь условия для его летней жизни становятся благоприятными очень поздно, и первую песню козодоя близ Тобольска можно услышать не ранее 11 мая, а в некоторые годы только в первой декаде июня [среднее за 9 лет – 25 мая (Тарунин 1929)]. Из других птиц этой биологической группы дальше всех на север заходит береговая ласточка *Riparia riparia*, гнездовые колонии которой близ Обской губы найдены нами у северной границы лесотундры (низовья реки Нумги, лето 1955 года), а на Енисее отмечены под 70° с.ш. Пища этой ласточки – мелкие насекомые, в основном выводящиеся в больших реках, текущих в Западной Сибири с юга на север и потому несущих достаточно прогретую воду.

Свои тёплые гнёзда береговые ласточки помещают в глубине земляных норок. Следует отметить, что многие из поедаемых ими насекомых более холодостойки, чем наземные формы, а близ поверхности воды похолодания всегда смягчены за счёт согревания воздуха водой. Поэтому береговая ласточка и на далеком севере летом почти всегда находит достаточное количество насекомых*.

Совершенно иной характер имеет распространение золотистой щурки *Merops apiaster* – воздухорея тропического происхождения. Щурка охотится в открытой степи или у небольших зарослей кустарников и деревьев за более крупными, относительно теплолюбивыми насекомыми – осами, пчёлами, кобылками, бабочками. Длительные раннелетние похолодания на юге Западно-Сибирской низменности обычно сопровождаются сильными северными ветрами. Насекомые скрываются; условия погоды лишают щурок возможности охотиться и вызывают их гибель. Видимо, по этой причине северная граница ареала золотистой щурки имеет очень глубокий прогиб к югу именно на Западно-Сибирской низменности. В европейской части Советского Союза щурка гнездится к северу от Оки (Рязанская область) и нижнего

* Козодой *Caprimulgus europaeus* – представитель южной группы птиц, кладёт яйца открыто на земле и, вынужденный оставлять птенцов во время охоты, подвергает их опасности переохлаждения при нередких в Сибири ночных похолоданиях.

течения Камы в Татарии, а в Центральном Казахстане – не далее посёлка Тургай и озера Балхаш.

Осоед *Pernis apivorus* – хищник, похожий на канюка *Buteo buteo*, но специализировавшийся в выслеживании ос, шмелей и выкапывании их гнёзд и личинок из земли. Он широко распространён в Европе, но за Уралом редок, гнездится только в южной полосе тайги и к востоку, видимо, не выходит за пределы бассейна Оби. Осы – теплолюбивые насекомые: даже в средней полосе европейской части СССР их бывает много только в жаркое лето; понятно, что Западная Сибирь не может обеспечить кормом большое количество осоедов. Нетрудно объяснить также, почему северная граница ареала змееяда *Circaetus gallicus* глубоко прогибается на Западно-Сибирской низменности к югу. Змееяд – узкоспециализированный хищник, он охотится преимущественно за змеями, ящерицами, молодыми черепахами. На западе СССР он доходит к северу до Пскова, Ленинграда, в Поволжье – до 66° с.ш., а за Уралом не далее Павлодара, Караганды и Барнаула. К северу от этой линии рептилии в Западной Сибири, как следует из замечаний, приведённых ранее, представлены немногими видами и очень малочисленны: узкоспециализированный рептилиефаг здесь не может прокормиться. Совсем иное положение с распространением другого крупного хищника – скопы *Pandion haliaetus*, охотящейся за рыбой и гнездящейся на деревьях. При богатстве рыбой рек и озёр Западной Сибири в лесной зоне повсюду есть благоприятные условия для жизни и гнездования этого ихтиофага. Скопа – обычная птица на Оби и Енисее, такой же характерный элемент летнего пейзажа этих рек, как чайки и утки.

Из приведённых выше примеров напрашивается вывод, что послеледниковые изменения климата, вызванные, вероятно, усилением переноса тёплого атлантического воздуха, в Западной Сибири не зашли так далеко, как в Европе, и в распределении животного мира Западно-Сибирской низменности сохранилось много следов холодного периода, соответствующих современным довольно суровым условиям.

В частности, только в Западной Сибири ряд характернейших аборигенов севера имеет обширные области распространения и проникает в условиях равнинной местности так далеко к югу, как нигде в других местах Сибири.

Западный тундровый гуменник *Anser fabalis fabalis* обычен на гнездовье не только в тундре, но и по озёрам и рекам тайги и выходит в лесостепь, где в 1930 году его выводки были найдены нами на озере Чаны (Формозов 1934). Малый, или тундровый, лебедь *Cygnus bewickii bewickii*, которого орнитологи считают характерной птицей тундр, найден гнездящимся на водоразделе Таза и Турухана, а в 1932 году выводок этой птицы, добытый эвенками в бассейне реки Сым примерно

под 61° с.ш., был осмотрен Ю.А.Исаковым и Л.Г.Каплановым. Значительные гнездовые колонии полярной крачки *Sterna paradisaea* найдены А.Д.Шароновым (1951) на водораздельных озёрах несколько севернее Сургута, а серебристой чайки *Larus argentatus antelius* – в огромном количестве в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа. Большую область занимает белая куропатка; северосибирский её подвид *Lagopus lagopus koreni* распространён от побережья Карского моря до южной подзоны тайги. От границы последней в лесостепи и зарослях кустарников в степи гнездится большая белая куропатка *L. l. major*, достигающая Прибалхашья. Так же далеко к югу простираются и области распространения таёжных полёвок – красной *Clethrionomys rutilus* и экономки *Microtus oeconomus*. Даже при очень плохой зоологической изученности северной части тайги обский лемминг *Lemmus sibiricus* уже прослежен к югу почти до 65° с.ш., а копытный лемминг *Dicrostonyx torquatus* – примерно до 63° с.ш.; дальнейшие исследования, вероятно, ещё отодвинут к югу границу распространения этих тундровых пеструшек.

Вместе с тем известно немало примеров и относительно далёкого проникновения к северу типичных степных животных. Ареал большого тушканчика *Allactaga jaculus* образует здесь заметный выступ к северу, захватывая юг Тарского, Ялуторовского и смежных районов примерно до 56.5° с.ш.; приблизительно до такой же широты доходят большой *Spermophilus major* и краснощёкий *S. erythrogenys* суслики, а южнее и восточнее Томска встречается серый (алтайский) сурок *Marmota baibacina*.

Все перечисленные грызуны проводят зиму в спячке; их далёкое проникновение к северу связано с благоприятным для них жарким летом, свойственным степной части Западной Сибири.

Многие степняки проникают особенно далеко к северу только в западной полосе низменности, прилегающей к Зауралью. Это несомненно проявление влияния Уральского хребта, перехватывающего значительную часть осадков. В Зауралье создаются условия засушливости, которая сказывается и на распределении растительного покрова. К востоку от Урала тянется обширная полоса его «снежной тени», отличающаяся резко пониженным количеством зимних осадков. Некоторые копытные животные, не способные существовать в условиях многоснежных зим, например кабан *Sus scrofa* и марал *Cervus elaphus sibiricus*, относительно недавно были распространены здесь значительно дальше на север, чем в более многоснежной Средней Сибири. Кабаны во времена Палласа жили даже на озёрах Салтаим и Тенис, т.е. несколько севернее 56° с.ш. (следы чего сохранились в названии села Кабаньего), в тростниках озера Чаны и всюду южнее по озёрам лесостепи и степи Западно-Сибирской низменности (Формозов 1946). В ле-

вобережной части бассейна Оби косуля *Capreolus pygargus*, восстанавливая свой ареал, за последние годы расселилась до нижнего течения Конды (64° с.ш.), а в приуральской части Западной Сибири занимает со значительной плотностью и полосу тайги примерно от 56° до 60° с.ш. (Лаптев 1958). Сайгаки *Saiga tatarica* во времена Палласа доходили при летних кочёвках до Омска и Барабинской степи, а до Атбасара они доходят и в наши дни. Таким образом, большой тушканчик и белая куропатка, косуля, кабан, полевка-экономка и тундровый гуменник живут по соседству в значительной полосе лесостепи Западной Сибири. Исследователям четвертичного периода хорошо знакомы подобные «смешанные фауны». Нам кажется, что черты «смешанности» в современном животном населении ряда районов описываемой территории также можно считать признаками молодости фауны, следами недавнего геологического прошлого.

Одна из важных особенностей животного мира Западной Сибири обусловлена молодостью рельефа и слабой дренированностью этой огромной низменности, малым уклоном рек, обилием озёр, болот и речных стариц. В тундре водоёмы местами занимают от 40 до 80% общей площади; на них гнездится множество уток, гагар, лебедей, чаек; гуси и кулики укрывают свои выводки в зарослях осоки и кормятся то на суше, то на мелководьях. Громкие крики гагар, песни бесчисленных куликов составляют основу полного летнего птичьего хора в этой зоне. Относительно малокормные озёра и болота тайги беднее птицами, но и здесь заунывные стоны гагар, гоготание гусей, крики уток, трели куликов фифи *Tringa glareola*, чернышей *T. ochropus* и больших улитов *T. nebularia* часто слышатся над вершинами леса, в котором как постоянный аккомпанемент назойливо звенят мириады комаров. В лесостепной полосе рядом с жаворонками поют кроншнепы, травники *Tringa totanus*, поручейники *T. stagnatilis*, плачут чибисы *Vanellus vanellus*, крякают и свистят утки, в густых тростниках хныкают лысухи *Fulica atra*. Мозаичный ландшафт берёзовой лесостепи Западной Сибири, вообще богатый жизнью, отличается исключительным обилием береговых и водоплавающих птиц.

Обилие рыбы и водоплавающих птиц во всех природных зонах Западной Сибири (кроме полосы сухих степей, где количество водоёмов сравнительно невелико) с древнейших времен оказывало большое влияние на занятия и хозяйство населения. Период весенней охоты на уток и гусей во время пролёта, массовый летний отлов линяющих водоплавающих птиц, собирающихся в огромные стаи, а также осенняя охота на отлетающих к югу уток, гусей и лебедей занимали важное место в календаре хозяйственных работ как у аборигенного населения (хантов, манси, ненцев, селькупов, эвенков), так и у позднее пришедших сюда русских. Уже «Краткое описание о народе остяцком,

сочинённое Григорием Новицким в 1715 г.» совершенно точно говорит об этом (с. 35): «Скудость в пище и недостаточество воспомогаеть довольно множество птиц: лебедей, гусей, уток и разных родов птицы…». По Новицкому, летняя одежда хантов в начале XVIII века изготовлялась из рыбьей кожи – налимьей (кожаны), осетровой, стерляжьей и других рыб (чулки, сапоги и т.п.). Это интересная аналогия с нанайцами Нижнего Амура, до недавнего времени очень широко использовавшими кожу рыб для разного рода изделий.

Хрисанф Лопарев, оставивший интереснейшую летопись жизни села Самарова (ныне Ханты-Мансийск), и другие авторы, писавшие о быте и верованиях населения нижней Оби, указывают, что кроме «обского старика, покровителя рыбного, остяки имели в тех же Белогорских юртах нового бога, изваянного в виде гуся. Это бог лебедей, гусей и других водяных птиц» (Лопарев 1896, с. 5). Изваяние гуся, находившееся в кумирнице, покоилось на своего рода гнезде, сплетённом из ремней, холста и сукна, и пользовалось особым вниманием хантов, особенно в период охоты на водоплавающую дичь. Сюда приезжали даже из отдалённейших селений и приносили ценные жертвы – до лошадей включительно. Уже одни эти факты свидетельствуют об огромной важности рыбы и водоплавающей дичи в жизни населявших тайгу народов.

М.Б.Шатилов (1931) в период до коллективизации (1926 год) обследовал быт и хозяйство хантов, живущих по Ваху. В низовьях этой реки преобладающую роль играло рыболовство, а у хантов, населявших ее верховья,– охота. Несмотря на огромные размеры лесных угодий, осваиваемых этими охотниками, количество «боровой дичи», используемой в хозяйстве ваховских хантов в верхнем течении и низовьях реки, было в пять раз с лишним меньше, чем водоплавающей.

«Перевес» и «перевесище» упоминаются уже в «Повести временных лет» 949 года. Это замечательное орудие промысловой охоты на уток и гусей широко применялось в древней Киевской и Московской Руси; в Поволжье оно существовало до XVIII века включительно, но позднее к западу от Урала всюду вышло из употребления в связи с резким сокращением количества дичи. Но в таёжной полосе Западной Сибири перевесы продолжали существовать до первых десятилетий советского периода, пока не были запрещены постановлениями о правилах охоты (Руденко 1929). Несказанное обилие дичи, которое в Европе знали только много столетий тому назад, сохранилось в многоводной Западной Сибири до последних десятилетий. О добычливости этой охоты, связанной с пассивным ожиданием лёта уток или гусей по специально прорубленной в лесу узкой просеке между озёрами, есть много свидетельств в трудах путешественников и краеведов. Так, Ф.И.Белявский (1883) говорит, что в районе села Самарова искусные охотники в одну

ночь ловили этой сетью от 25 до 50 пар уток и гусей. И.С.Поляков (1877) указывал, что в год его путешествия по Оби хороший ловец брал за весенний сезон перевесом 300-500 уток разных видов. Осенний лов всегда был менее добычливым.

На Оби, в тех местах, где весной садятся на отдых пролётные гуси, был широко распространен и ружейный промысел с чучелами. Пользуясь тонкой берестяной ленточкой, охотник мастерски изображал призывные крики всех видов северных гусей и, подманив их к чучелам, стрелял из ружья, укрываясь в достаточно тёплой, хорошо замаскированной землянке. Этим способом за короткий срок пролёта добывалось от нескольких десятков до нескольких сотен жирных весенних гусей. Очищенные тушки высушивали или солили, чтобы иметь мясо в период летней страды.

Перед сменой оперения холостые гуси и селезни уток собираются в большие стаи, часть которых остаётся близ мест гнездования, а часть уже в июне улетает к югу и задерживается для линьки на озёрах в зоне тайги, лесостепи и степи. (Как показали данные кольцевания, значительное число уток из средней и южной полосы Западной Сибири ежегодно прилетает сменять перья крыла даже в дельту Волги.) Благодаря этим миграциям огромные массы дичи из малонаселённых глухих районов проводят часть лета в хорошо обжитых областях, где издавна существовал массовый лов сетями (или «гонами», как их называют в Барабе) линных уток. При удачных загонах в районе озера Чаны артель охотников вылавливала разом до 3-8 тысяч уток, а таких загонов за день делали иногда по два-три.

Эти цифры относятся к началу 1930-х годов; нетрудно представить, сколько уток и гусей было в озёрной лесостепи в годы появления здесь первых русских «промышленных и служилых людей». Даже самые ранние географические известия о Западной Сибири уже отмечают сказочно богатые ловы линных птиц. На тундровых озёрах Ямала и Гыдана ненцы до сих пор устраивают успешные загоны линных гусей; много уток, особенно шилохвостей *Anas acuta* и нырков, ловят ханты, но в южной половине Сибири этот способ добывания водоплавающих птиц теперь не без основания запрещён как хищнический.

Осенью утки и гуси из Западной Сибири, представляющей самую ценную гнездовую территорию водоплавающих птиц всей Евразии, отлетают на запад, юго-запад и юг и во время остановок в пути, а также на местах зимовок в густонаселённых районах СССР и ряда зарубежных стран служат объектом интенсивной охоты. Не случайно, что и в Евразии и в Северной Америке наиболее богатые водоплавающей дичью гнездовые области приурочены к лесостепной и степной зонам, а именно к тем их участкам, где много мелководных, бессточных озёр, отличающихся высокой кормностью. (Накопляющиеся в них биоген-

ные элементы почти не выносятся за пределы озёрных котловин.) На Западно-Сибирской низменности это лесостепь и северная часть степной зоны с их заросшими тростником бесчисленными пресными и солоноватыми водоёмами; в Северной Америке – Центральная прерийная гнездовая область (Phillips, Lincoln 1930), протянувшаяся широкой полосой с северо-запада на юго-восток от Канады до Колорадо, Канзаса, Небраски, богатая озёрами, по существу, тех же типов, что в Барабе и смежных районах. Характерно, что не в таёжной зоне с её избытком вод, а именно в довольно засушливых глубоко материковых открытых ландшафтах утки, гуси, лысухи и многие кулики находят очень благоприятные условия для жизни в тёплую половину года.

Заметное уменьшение количества этой ценной дичи, отмечаемое в последние десятилетия за рубежом и в Западной Сибири, делают неотложной задачу охраны перелётной дичи как путём международных соглашений, так и мерами рационализации охоты в районах гнездования и на пролётных путях.

Многоводность Западной Сибири, как характернейшая черта её природы, обусловливает ещё целый ряд немаловажных особенностей животного мира. Водяная крыса *Arvicola terrestris* – обитатель осоковых болот, тростниковых зарослей озёр и многочисленных стариц, нигде в СССР не встречается в таком огромном количестве, как в озёрных районах лесостепи Западной Сибири, а в лесной зоне – в поймах Оби и её крупных притоках. Массовые размножения водяной крысы время от времени превращаются здесь в своего рода стихийные бедствия, так как зверьки перекапывают луга, уничтожают урожаи трав, выселяются на поля и наносят серьёзный урон зерновым посевам, картофелю и корнеплодам. В СССР нет ни одной другой природно-географической области, где этот грызун приносил бы такой вред полеводству. Кроме того, водяная крыса – один из важнейших хранителей и рассеивателей туляремийной инфекции, вызывающей тяжёлые заболевания людей и губительные эпизоотии в популяциях такого ценного зверька, как ондатра.

Ондатра *Ondatra zibethicus* — недавно акклиматизированный у нас вид – занял в животном мире Западной Сибири важное место как один из массовых пушных грызунов и местами играет сейчас более серьёзную экономическую роль, чем белка *Sciurus vulgaris*. В районах, особенно густо населённых водяной крысой и ондатрой (от низовий Оби до предгорий Алтая), рассеяны природные очаги туляремии.

Кровососущие двукрылые (слепни, комары, мошки) и клещи способны при укусах заражать туляремией здоровых людей и животных. Чрезвычайное обилие в Сибири «гнуса» летом благоприятствует быстрому и широкому рассеиванию инфекции, вызывая особые трансмиссивные вспышки туляремии среди рыбаков, колхозников, убирающих

сено, сборщиков ягод. Слепни, выплаживающиеся во влажной почве, мошки, комары и мокрецы, нуждающиеся в водоёмах для откладки яиц и развития личинок, во многих районах Сибири встречаются в таком множестве, что в течение тёплых месяцев чрезвычайно осложняют существование диких млекопитающих и птиц, домашних животных и человека.

Белки летом устраивают гнёзда на окраинных деревьях по соседству с открытыми местами, где ветер отгоняет комаров, лоси *Alces alces* и медведи *Ursus arctos* в часы наибольшей активности кровососов отсиживаются в воде речек и болот. Осаждаемый комарами лось становится менее чутким, и к нему легко подплыть в лодке на верный выстрел. Этот способ охоты в Западной Сибири носит характерное название «комарничать».

А.Ф.Миддендорф (1871), обследовавший Барабинскую степь, писал: «Даже в хвалёное за отсутствием насекомых лето 1868 г. эти кровопийцы так систематически сменяли друг друга, что ни в какое время от них не было покоя...» По его словам, поселенцы, пытавшиеся освоить «раскошные береговые степи в верховьях Оми», были выжиты оттуда обильным гнусом (с. 8). Страдания, причиняемые слепнями в лесостепной полосе, «принадлежат к самым очевидным причинам истощения животных, которые вследствие этого и делаются жертвами язвы. В жаркое лето там нет возможности ехать днём: лошади в упряжке кидаются на землю...» Скот здесь может пастись только ночью и лишь в августе начинает поправляться, а если осень хороша, то с наступлением зимы он начинает жиреть (Там же, с. 60).

Уже Паллас описал особые «гноючие пузыри», появляющиеся после укусов западносибирских слепней (теперь мы знаем, что это в основном туляремийные бубоны). И.Гмелин описал заболевание, сильно распространённое в 1741 году среди населения города Тары, назвав его «сибирской язвой». Судя по тому, что смертность, по словам Гмелина, была невелика, он тоже имел дело со вспышкой туляремии.

Но и антракс недаром более известен под именем «сибирской язвы». Именно в Западной Сибири путешественники и учёные впервые познакомились с особенно сильными сибиреязвенными эпизоотиями, при которых погибало огромное количество скота и даже людей. Миддендорф не без оснований подозревал слепней в рассеивании этой опасной инфекции. (Уже в наше время их роль как переносчиков была доказана экспериментально.) Действительно, слепень, недавно сосавший кровь больного антраксом животного или свежего трупа, способен затем при уколах хоботком заразить десятки здоровых животных. Обилие заболоченных мест, речек, мелководных озёр, где споры сибиреязвенных бактерий способны сохраняться годами, а также огромность площади, пригодной для выплода слепней,– вот условия, которые в старые годы

делали лесостепь, тайгу и тундру Западной Сибири ареной тяжёлых сибиреязвенных вспышек. Например, около 1770 года «лошадиная болезнь» нанесла сильный ущерб по всей южной и восточной полосе Исетской провинции (Паллас 1786). Почти ежегодно в конце XVIII века сибирская язва вызывала большие потери строевых коней у драгунских полков, стоявших на Сибирской пограничной черте. По словам Миддендорфа (1871), к востоку от Канска сибирская язва, свирепствовавшая в XVIII веке, в начале XIX века не давала о себе знать примерно около 25 лет, но затем снова появилась «и в течение последних десяти лет свирепствует так страшно, что уничтожила все прежнее благосостояние жителей и повергла население в отчаянье» (с. 55).

В южной половине Западной Сибири немало мест, благоприятных для выплода малярийного комара, поэтому можно с полным доверием относиться к указанию Миддендорфа, что в его время почти каждый поселенец по своему опыту был знаком с «трусихой», т.е. с лихорадкой.

Несомненно также, что в связи с вырубанием тайги, вызывающим лучшее летнее прогревание водоёмов, комар анофелес несколько расширил свой ареал к северу. Применение новейших препаратов для истребления кровососущих двукрылых и лечения малярии, наличие созданных советскими врачами превосходных вакцин для предупреждения заболеваемости туляремией и антраксом оздоровило ранее «гиблые места» Западной Сибири, но обилие вод, сильная заболоченность остались, а с ними, как с условиями, благоприятными для размножения многих животных, вредных для человека и его хозяйства, необходимо считаться и сейчас при дальнейшем освоении этой богатой природными ресурсами территории.

Другой важной чертой, связанной с большой заболоченностью всей лесной зоны Западной Сибири и малым уклоном её рек, являются ежегодные заморы – губительный для рыб дефицит кислорода в воде Оби и её притоков. Зимой, при низком уровне и замедленном течении рек и наличии толстого льда, мешающего доступу свежего воздуха, увеличивается значение притока воды из болот, обогащённой соединениями закиси железа, поглощающими кислород и вызывающими заморы. На средней Оби обычно к первым числам января вода приобретает буроватую окраску и неприятный запах, по выражению рыбаков, «горит». Рыба начинает страдать от недостатка кислорода и бросается к родникам и устьям притоков с более свежей водой. В Оби вдоль берега, насколько хватает влияния свежей воды, образуются большие скопления рыбы. Местное население с незапамятных времён пользовалось этими зимними перекочёвками рыб для подлёдного лова.

Можно добавить, что железистые соединения в водоёмах тайги Западной Сибири распространены так широко, что образуют ржавый налёт на светлых перьях брюшка уток, лебедей, на шее куликов. При

охоте в лесостепи и степи по этому признаку уже в июле удаётся подметить появление откочёвывающих из тайги уток и куликов.

Последнее, что следует отметить в очерке животного мира Западно-Сибирской низменности,– это относительно лучшую его сохранность, чем в ряде других областей нашей страны. Бобр *Castor fiber* и соболь *Martes zibellina* жили в тайге Западной Сибири даже в тот период, когда на большей части их ареала они уже были уничтожены. Сейчас они сильно размножились. Огромны участки размножения песца *Alopex lagopus* в тундрах; очень велики и совершенно ещё не используются ресурсы боровой дичи – глухаря *Tetrao urogallus*, рябчика *Tetrastes bonasia*, белой куропатки в лесной зоне.

Лебеди шипун *Cygnus olor* и кликун *C. cygnus*, очень редкие вследствие длительного истребления в европейской части СССР, до последних лет были обычны на водоёмах степи, лесостепи и тайги (лебедь-кликун) Западной Сибири. Но благородный олень – марал, глухарь в борах лесостепной полосы, бобры и выдры *Lutra lutra* на степных речках и многие другие ценные виды были уничтожены много десятилетий назад и не восстановились. Природные ресурсы, в том числе и животного мира, описываемой территории очень ценны, они нуждаются в строго продуманном, осмотрительном использовании.

Литература

Белявский В.И. 1883. *Поездка к ледовитому морю*. М.: 1-259.

Буторина Т.Н., Нащокин В.Д. 1958. Липа сибирская в заповеднике «Столбы» // *Тр. заповедника «Столбы»* **2**: 152-167.

Верещагин Н.К., Кузьмина И.Е. 1962. Раскопки в пещерах Северного Урала // *Природа* 3: 76-78.

Городецкая М.Е. 1958. Свидетели былой вечной мерзлоты в Павлодарской области // *Изв. АН СССР*. Сер. геогр. 5: 65-71.

Городецкая М.Е. 1961. О следах вечной мерзлоты в Павлодарском Прииртышье // *Материалы Всесоюз. совещ. по изучению четвертичного периода*. М.; Л., **3**: 353-358.

Григорьев А.А. 1942. Опыт характеристики основных типов физико-географической среды // *Проблемы физической географии* **11**: 2-42.

Григорьев А.А. 1944. *Природные условия Казахстана*. М.; Л.: 1-42.

Григорьев А.А. 1946. О географических радиационных рубежах и характеристиках радиационных условий горизонтальных физико-географических зон // *Проблемы физической географии* **12**: 11-31.

Григорьев А.А. 1956. *Субарктика: Опыт характеристики основных типов географической среды*. Изд. 2-е. М.: 1-223.

Динесман Л.Г. 1949. О распространении и экологии рептилий в связи с зонами солнечной радиации // *Проблемы физической географии* **14**: 153-165.

Лавренко Е.М. 1938. История флоры и растительности СССР по данным современного распространения растений // *Растительность СССР*. М.; Л., **1**: 235-296.

Лаптев И.П. 1958. *Млекопитающие таёжной зоны Западной Сибири*. Томск: 1-285.
Лебедев В.Д. 1959. Неогеновая фауна пресноводных рыб Зайсанской впадины и Западно-Сибирской низменности // *Вопр. ихтиол.* 12: 28-69.
Лопарев Х.М. 1896. *Самарово – село Тобольской губернии и округа*. СПб.: 1-244.
Миддендорф А.Ф. 1871. Бараба // *Зап. Акад. наук*. **19**, прил. 2: 1-123.
Паллас П.С. 1786. *Путешествие по разным провинциям Российской империи*. СПб., **1**: 1-3476, **2**: 1-571.
Поляков И.С. 1877. Письма и отчёты о путешествии в долину р. Оби // *Зап. Акад. наук*. **30**, прил.: I-IV, 1-187.
Руденко С.И. 1929. Перевес: Материалы по этнографии // *Этногр. отд. Русского музея* **4**, 2: 1-12.
Сергеев А.М. 1939. Температура пресмыкающихся в естественных условиях // *Докл. АН СССР* **22**, 1: 49-52.
Сушкин П.П. 1938. *Птицы советского Алтая и прилежащих частей северо-западной Монголии*. М.; Л., **1**: 1-316, **2**: 1-434.
Тарунин М.П. 1929. *Календарь тобольской природы*. Тобольск: 1-44.
Формозов А.Н. 1934. Озёрная лесостепь и степь Западной Сибири как область массового обитания водяных птиц // *Бюл. МОИП*. Нов. сер. Отд. биол. **13**, 2: 256-286.
Формозов А.Н. 1946. Снежный покров как фактор среды, его значение в жизни млекопитающих и птиц СССР // *Материалы к познанию фауны и флоры СССР*. Нов. сер. Отд. зоол. **5 (20)**: 1-141.
Чернецов В.Н. 1947. Результаты археологической разведки в Омской области // *Краткие сообщ. Ин-та истории материальной культуры* **17**: 79-91.
Шаронов А.Д. 1951. Некоторые результаты изучения фауны птиц в таёжной зоне Западной Сибири // *Докл. АН СССР* **78**, 5: 1057-1059.
Шатилов М.Б. 1931. Ваховские остяки // *Тр. Томск. краевого музея* **4**: I-III, 1-175.
Phillips I., Lincoln F. 1930. *American waterfowl: their present situation and the outlook for their future*. Boston; New York: 1-312/

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **797**: 2320-2321*

Встреча белых гусей *Anser caerulescens* в Литве

Р.Р.Будрис, А.Буяускас, С.Синкявичюс

Второе издание. Первая публикация в 1986[*]

5 мая 1984 в орнитологическом заказнике «Крятуонас» (Восточная Литва) наблюдали пару белых гусей *Anser caerulescens*. Птицы держались на сухом острове рядом со стайкой гуменников *Anser fabalis*.

[*] Будрис Р.Р., Буяукас А., Синкявичюс С. 1986. Встреча белых гусей в Литве // *Орнитология* **21**: 128.

Белых гусей удалось хорошо рассмотреть на земле и в полёте с расстояния нескольких десятков метров. Птицы не имели колец, серый цвет клюва указывал на молодой возраст. На другой день на острове белых гусей не было, хотя стайка гуменников там продержалась ещё некоторое время.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск ***797****: 2321*

Нахождение бурого голубя *Columba eversmanni* в Тарбагатае

Н.Н.Березовиков, А.С.Левин

Второе издание. Первая публикация в 2002[*]

В литературе вообще отсутствуют указания о нахождениях бурого голубя *Columba eversmanni* в Тарбагатае, однако в прилежащей Алакольской котловине этот голубь «редок и гнездование не доказано, хотя и очень вероятно» (Долгушин 1962). В этой связи представляет большой интерес факт встречи бурого голубя 31 мая 2002 в западной части Тарбагатая в долине реки Каракол, на участке пересечения трассой Бахты – Аягуз горы в 7 км западнее посёлка Таскескен (47°13.737′ с.ш., 80°45.652′ в.д., 657 м над уровнем моря). Птица отдыхала на вершине столба среди полынного склона горы, изрезанного глубокими глинистыми оврагами, угнетёнными лохово-карагачовыми придорожными посадками и была хорошо рассмотрена нами в зрительную трубу. Не исключено, что голуби в этих местах жили в пустотелых торцах бетонных опор проходящей рядом высоковольтной линии электропередачи (подобное явление в последние годы стало наблюдаться в Илийской долине).

Литература

Долгушин И.А. 1962. Отряд Голуби – Columbae // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 328-369.

[*] Березовиков Н.Н., Левин А.С. 2002. О первой встрече бурого голубя в Тарбагатае // *Каз. орнитол. бюл. 2002:* 87.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **797**: 2322-2323*

Пёстрый улит *Tringa melanoleuca* – новый вид авифауны СССР

Ю.Н.Глущенко, И.В.Дорогой

Второе издание. Первая публикация в 1986[*]

31 мая 1975 на южном побережье острова Врангеля в окрестностях бухты Сомнительная был добыт кулик, первоначально определённый как большой улит *Tringa nebularia* (Кречмар и др. 1979). При более детальном осмотре экземпляра, хранящегося в коллекции Зоологического музея Дальневосточного государственного университета (регистрационный № 1142), и сравнении его с серией тушек больших улитов, хранящихся в Зоологическом музее Биолого-почвенного института ДВНЦ АН СССР (Владивосток), мы пришли к выводу, что имеем дело с американским видом *Tringa melanoleuca* (J.F.Gmelin, 1789).

Основные признаки, по которым различаются эти два близкородственных вида, следующие: во-первых, окраска ног (ярко-жёлтая у *T. melanoleuca* и оливково-зелёная у *T. nebularia*); во-вторых, окраска оперения середины спины и надхвостья (тёмно-серая у *T. melanoleuca* и белая у *T. nebularia*); в-третьих, чёткий сложный рисунок, образованный тёмными крапинами и пестринами на груди и боках *T. melanoleuca*. От другого крупного улита – щёголя *T. erythropus* – оба вида отличаются как окраской оперения, так и характерной формой клюва, заметно загнутого кверху. От остальных видов рода *Tringa*, обитающих как в Америке, так и в Евразии, их отличают значительно более крупные размеры. Ошибка в определении была в какой-то мере вызвана плохой сохранностью экземпляра (в частности, отсутствием ног).

Tringa melanoleuca гнездится в Северной Америке узкой полосой от южной Аляски до острова Ньюфаундленд (Gabrielson, Lincoln 1959; Godfrey 1966). Основными гнездовыми биотопами данного вида являются заболоченные северные леса. Зимуют эти кулики на юге Американского континента от центральной части Калифорнии до юга Латинской Америки, включая Вест-Индию. Случайные одиночные залёты были зарегистрированы на островах Канадского арктического архипелага – Саутгемптон и Баффинова Земля (Godfrey 1966). На Азиатском континенте известен залёт *T. melanoleuca* в Японию (Check-list… 1974). В пределах территории СССР этот кулик до сих пор отмечен не был. Подобные залёты являются нормальным явлением и их следует ожи-

[*] Глущенко Ю.Н., Дорогой И.В. 1986.Пёстрый улит – новый вид авифауны СССР // *Орнитология* **21**: 131-132.

дать в будущем на северо-востоке Азии (в частности, на Чукотском полуострове).

Что касается русского названия данного вида, то буквальный перевод его латинского названия *melanoleuca* означает «пегий», что не соответствует действительной окраске птицы. Перевод же английского «greater yellowshank» или немецкого «grosser Gelbshenkel» названий звучит как «большой желтоногий улит», что весьма громоздко как в написании, так и в произношении. На наш взгляд, более подходящим русским названием этого кулика будет «пёстрый улит», что подчёркивает основную особенность окраски оперения птицы.

Относительно залётов большого улита на остров Врангеля мы с уверенностью можем сказать, что одиночный кулик именно этого вида был встречен одним из авторов (И.В.Дорогим) 15 июля 1982 в южной части Тундры Академии на севере острова.

Литература

Кречмар А.В., Артюхов А.И., Дорогой И.В., Сыроечковский Е.В. 1979. Дополнительные сведения по орнитофауне острова Врангеля // *Птицы северо-востока Азии*. Владивосток.

Gabrielson I.N., Lincoln F.C. 1959. *The Birds of Alaska*. Washington.

Godfrey W.E. 1966. The birds of Canada // *Natl. Mus. Canada Bull*. **203**.

Check-list of Japanese Birds. 1974. Tokyo.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **797**: 2323-2324*

Залёт касатки *Anas falcata* в Юго-Восточный Казахстан

В.А.Жиряков

*Второе издание. Первая публикация в 1999**

Касатка *Anas falcata*, обитающая в Восточной Сибири, в первой трети XX века неоднократно залетала в Западную Сибирь, где её добывали в окрестностях Омска, Томска, Новосибирска, Карачей, Рубцовска, Колпашева и в ряде других мест (Гынгазов, Миловидов 1977). 13 мая 1993 взрослый самец касатки в брачном наряде наблюдался на реке Мургаб ниже плотины Сары-Язинского водохранилища (Сотников 1995). В начале XX века был зарегистрирован залёт в Сырдарьинскую область на юге Казахстана (Зарудный 1915). Более поздних на-

* Жиряков В.А. 1999. Залёт касатки в Юго-Восточный Казахстан // *Казарка* **5**: 263.

ходок касатки в Казахстане не было известно (Долгушин 1960), поэтому в «Книге генетического фонда фауны Казахской ССР» (1989) вид был исключён из списка как сомнительный, находки которого не подтверждены фактическими материалами.

3 апреля 1999 на озере-накопителе Сорбулак, которое находится в полупустынной местности в 70 км севернее Алматы, нами был добыт самец касатки в ярком брачном наряде. Размеры экземпляра, мм: длина тела 360, длина крыла 237, длина клюва 43, длина хвоста 71, длина плюсны 46. Масса тела 760 г. Чучело касатки в настоящее время хранится в Музее природы Алматинского заповедника.

Литература

Долгушин И.А. 1960. *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 1: 1-469.

Гынгазов А.М., Миловидов С.П. 1977. *Орнитофауна Западно-Сибирской равнины*. Томск: 1-350.

Зарудный Н.А. 1915. Краткий очерк охотничьего промысла в Сыр-Дарьинской области // *Туркестан. сельск. хоз-во* 7: 668-676, 8: 756-778.

Книга генетического фонда фауны Казахской ССР. Ч. 1. Позвоночные животные. 1989. Алма-Ата: 1-213.

Сотников В.Н. 1995. Встреча касатки *Anas falcata* на юге Туркменистана // *Рус. орнитол. журн.* **4**, 1/2: 70.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **797**: 2324-2325*

Гнездование трещотки *Phylloscopus sibilatrix* на северо-западном Кавказе

И.М.Марова

*Второе издание. Первая публикация в 1987**

Хотя гнездовой ареал пеночки-трещотки *Phylloscopus sibilatrix* охватывает значительную часть Большого Кавказа, распространение её там спорадично и сведения о местах находок гнездящихся особей отрывочны. На северо-западном Кавказе трещотка найдена на гнездовье в дубовых лесах окрестностей Киши, в сосновых насаждениях верхнего предела леса горы Пшекиш, в районе Красной Поляны (Аверин, Насимович 1938) и в Кавказском заповеднике. На северо-запад от Кавказского заповедника эта пеночка распространена неравномерно

* Марова И.М. 1987. Гнездование пеночки-трещотки на северо-западном Кавказе // *Орнитология* **22**: 186.

до Новороссийска, в окрестностях которого обыкновенна в буковых лесах, но в районе Туапсе она встречается реже (Волчанецкий и др. 1962). В окрестностях Сочи и Адлера, по сообщению П.П.Сушкина (1914), трещотка не встречается, однако Р.Л.Бёме (устн. сообщ.) добыл там 2 экз. в гнездовое время. Этими сообщениями, по-видимому, исчерпываются сведения о гнездовании трещотки на Кавказе.

На юго-восток от Кавказского заповедника, в Тебердинском заповеднике поющие самцы трещотки были отмечены весной 1939 и 1961-1962 годов (Ткаченко 1966), а также нерегулярно в некоторые из последующих лет (В.М.Поливанов, устн. сообщ.). Часть самцов была явно пролётной, и гнездование трещотки там только предполагалось.

Мы наблюдали поющего самца трещотки 25 и 26 мая 1982 в берёзово-буковом лесу, но пара не была образована, и через 2 дня самец покинул занятую территорию. В 1982 и 1984 годах трещотки в заповеднике больше не встречались, однако в 1985 году предположение о гнездовании трещотки на территории заповедника подтвердилось: 18 июня 1985 было найдено гнездо с полной кладкой из 5 яиц. Гнездо было построено на склоне первой террасы реки Теберды (1050 м н.у.м.) в сыром высокоствольном буковом лесу с примесью берёзы и осины, почти без подседа, с сильно вытоптанным травянистым покровом. Гнездо располагалось в небольшой нише, довольно открыто, сплетено из сухой травы, лоток выстлан корешками и конским волосом.

Литература

Аверин Ю.В., Насимович А.А. 1938. Птицы горной части Северо-Западного Кавказа // *Тр. Кавказского заповедника* **1**: 5-56.

Волчанецкий И.Б., Пузанов И.И., Петров В.С. 1962. Материалы по орнитофауне северо-западного Кавказа // *Учён. зап. Харьк. ун-та* **130**: 7-72.

Сушкин П.П. (1914) 2002. Заметки о кавказских птицах // *Рус. орнитол. журн.* **11** (185): 431-452.

Ткаченко В.И. 1966. Птицы Тебердинского заповедника // *Тр. Тебердинского заповедника* **6**: 147-230.